

БОЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Леонид СОБОЛЕВ

**ГРУЗИНСКИЕ
СКАЗКИ**

ВОЕНМОРИЗДАТ • 1941

БОЕВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

Л30 $\frac{\Gamma-2}{408a}$ Леонид СОБОЛЕВ

ГРУЗИНСКИЕ СКАЗКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР

Москва

1941

Ленинград

Последние пять суток в лодке почти не спали.

Северный шторм, как в трубу, дул в этот стиснутый скалами длинный залив. Взыбленные им валы растревожили холодную воду до самых тайных глубин, и лодке никак не удавалось лечь на грунт, чтобы людям можно было поесть горячего и поспать: лодку грозно постукивало о камни или попросту вышвыривало на поверхность мощной глубинной волной.

Наверху же лодку ждал мороз. Все, что выступало над водой — мостик, рубку, орудия — он облеплял льдом. Лодка получала ненужную ей добавочную пловучесть, и никакими силами нельзя было бы загнать ее под воду в случае неожиданной встречи с врагом или приближения к береговым батареям. Тогда краснофлотцы выползали на ледяной покров и, обвязавшись, скалывали его топорами и ломачами, сами сбиваемые с ног нестерпимо холодной водой. Лодка вновь погружалась, чтобы штормовать под водой.

И когда, наконец, оказались на этом спокойном курсе, и коку удалось сварить борщ и кофе, — командир приказал спать всем, кроме боевой смены. В центральном посту осталось лишь несколько человек.

Лодка шла на небольшой глубине спокойно, даже не покачиваясь. Успокоительно жужжал гирокомпас, мирно чикали указатели рулей, — по-домашнему пахло недавним обедом, и казалось, что это — обычный учебный поход. Только холод и сырость, въевшиеся в борта и в одежду за долгие дни блокады, да карта на штурманском столе, где выразительными крести-

ками были помечены места потопленных лодкой транспортов с боеприпасами, напоминали о том, что было до этого похода.

Лодка держалась в заливе до последней возможности. Уже прихватило берега плотным береговым припаем — и пора было уходить в базу. Но оставалось еще топливо, снаряды и торпеды, и лодка продолжала стеречь морскую дорогу к врагу. Это не было ни упрямством, ни рекордсменством, — это было военной необходимостью.

Ботника была единственным путем снабжения врага снарядами, оружием, боеприпасами. Ботника была как поддувало горящей печи: прикрыть его — и замрет на фронте огонь, лишенный своей взрывчатой пищи, и тысячи человеческих жизней будут сохранены для труда и счастья. И то, что у одного из крестиков на карте стояло позавчерашнее число, доказывало, что лодка задержалась здесь не зря: враг, уверенный, что советские подводники, не выдержав зимних штормов, уже сняли блокаду, попытался подвезти боеприпасы. Но у самого входа в ледяной фарватер оба транспорта трескучим фейерверком взлетели к низким снеговым облакам, и огненные столбы взрыва показали, что советские подлодки еще здесь.

Но дальше оставаться в Ботнике было нельзя: небывало суровая зима могла сковать льдом проходы между островами, и тогда залив стал бы ловушкой или могилой. И сразу после атаки командир проложил курс на юг, торопясь подойти к проливу, пока шторм, разбивая льдины, не давал единственному выходу в море закрыться льдом.

К рассвету лодка подошла к проливу. Командир был наверху один. Охрипший его голос передал по трубе в центральный пост пеленга на мысы и уцелевший маяк. Штурман нанес место на карте, чтобы начать от него слепую подводную прокладку, но командир почему-то долго не спускался вниз. Наконец

на трапе показались его ноги, он задрал выходной люк и скомандовал погружение. Лодка ушла на небольшую глубину, скрываясь от батарей, стерегущих пролив, и скоро, очевидно, оказалась между островами, потому что качка постепенно стихла и началось это блаженное безмятежное плавание, по случаю которого командир распорядился об отдыхе и даже штурмана отослал спать. Командир спокойно поглядывал на счетчики лага, на часы, на карту, негромкой командой менял курсы, строго держась найденного в свое время безопасного фарватера, и всем в центральном посту казалось, что все идет нормально. Только боцман Вязнов, испытанный горизонтальный рулевой, заметил, что капитан-лейтенант нынче что-то не в себе: он то и дело шагал циркулем по карте, подолгу стоял над ней, перелистывая лоцию. Потом вынул из стола целый ворох метеорологических телеграмм, опять читал лоцию, проводил на карте, много южнее выхода из залива, кривые странные линии, смотрел на них, что-то прикидывая, и наконец недовольно буркнул:

— А что мне легче, что раз в сто лет...

Боцман поднял на него глаза, но командир строго приказал ему точнее держать глубину и снова наклонился над картой.

Все это не походило на его обычную спокойную приветливость. Но в конце концов он, видимо, что-то решил, потому что убрал и лоцию и сводки, вычистил резинкой карту и, сделав на курсе пометку далеко впереди, в открытое море, плотно запахнул реглан и сел на разнуюжку вздремнуть.

Мало-помалу лодка начала оживать — и самый усталый человек когда-нибудь да выспится. Подводники просыпались, сами не веря себе, что этот спокойный курс еще не кончился. Началось повальное бритье — из того расчета, что после всплытия вновь будет валять до самой базы. Пришел кок и спросил разре-

шения давать завтрак (хотя по часам это никак не могло так называться). По лодке потянуло вкусным запахом — на этот раз какао. Выпив свою чашку, капитан-лейтенант послал за помощником, приказал ему идти намеченными курсами, ни в коем случае не всплывая, и разбудить его за полчаса до намеченной по карте точки.

Но когда он вновь пришел в центральный пост, было видно, что сон никак его не освежил. Казалось, он вовсе не спал, — командир осунулся, почернел, и глаза его были воспалены. Он обменялся короткими словами с помощником, отпустил его и снова присел на свою разножку.

На горизонтальных рулях снова нес вахту боцман Вязнов, и с ним стояла вся лучшая смена — трюмные, электрик, вертикальный рулевой — все были отличниками и коммунистами. Капитан-лейтенант подолгу задерживал на них взгляд, как бы оценивая каждого заново. В лодке стали утихать голоса, все, кто мог, снова прилегли поспать, пользуясь спокойным плаванием, и почти никто не проходил больше через центральный пост, но капитан-лейтенант вдруг негромко сказал:

— Задрайте двери, чтоб не ходили тут..

И когда последний барашек водонепроницаемых дверей был повернут до места, он так же негромко приказал:

— Товарищ боцман, всплывайте на перископную глубину. Полегоньку.

Электрик тотчас взялся за рубильник, чтобы поднять из шахты перископ, как полагается это при всплытии, но командир остановил его жестом, глядя на глубомер. Вязнов осторожно переложил рули, лодка поднялась носом, и глубомер медленно повел стрелку влево. Но когда она переползла через цифру, означающую, что перископ (если бы он был поднят над рубкой) мог бы уже видеть горизонт, — лодка

качнулась, будто рубка наткнулась на какое-то препятствие, мешающее ей взглянуть из воды, и глухой шум донесся сверху.

— Так, — сказал капитан-лейтенант, — продуть среднюю.

Трюмный открыл воздух, меж бортов заурчала вода, вытесняемая из цистерны, но стрелка глубомера замерла на том же делении, а палуба вдруг покосилась под ногами. Капитан-лейтенант махнул рукой, и трюмный, не спуская с него глаз, заиграл своими рычагами и штурвальчиками. Лодка, вновь приняв воды, пошла вниз, медленно выпрямляясь на ровный киль.

— Давайте на прежнюю глубину, — сказал командир и обвел глазами всех, кто был в центральном посту. — Все понятно? Ну и молчок.

Все было понятно: то, что мешало лодке всплыть, не было отдельной льдиной, которая могла бы соскользнуть с рубки. Креп лодки, упершейся рубкой в лед, означал, что это было ледяным покровом.

Все в центральном посту молчали. Капитан-лейтенант склонился над картой, шагая циркулем вперед по курсу. Он наметил новую точку впереди и повернулся.

— Товарищ боцман, вызовите смену, а со своей пока отдохните. Через три часа попробуем еще разок. Где-нибудь да кончится... В лодке лишнего не болтать, незачем остальным беспокоиться, понятно?... Отдраить двери.

Вахта сменилась, спокойное плавание продолжалось, и никто, кроме ушедшей спать смены, не догадывался, что отсутствие качки объяснялось тем, что лодка много часов шла под сплошным ледяным потолком.

В том месте, где капитан-лейтенант, пройдя замерзший пролив, попытался всплыть, Балтийское море не замерзало ни разу за сто лет, и он никак не мог

рассчитывать на это коварство природы. Когда на рассвете лодка подходила к проливу и когда вместо черной бушующей воды командир увидел гладкую белую пелену, он понял, что пролив все-таки замерз, несмотря на шторм. Тогда он вынужден был нырнуть под лед, пройти под ним пролив, чтобы вынырнуть далеко в море, там, где огромные, непрестанно движущиеся водяные горы замерзнуть, конечно, не могли.

И лодка ушла под лед, южная кромка которого была неизвестно где, — но где-то, несомненно, должна была быть. Должна... но была ли?

Место, которое капитан-лейтенант назначил себе для первой попытки всплыть, было на десять миль южнее той самой крайней линии ледяного покрова, которую лоция Балтийского моря указывала в качестве единственного за сто лет события. Эти десять миль были поправкой на нынешнюю зиму. И все же оказалось, что и здесь, где в тот исторический год была чистая вода, — теперь был лед...

В подводной лодке, как нигде, надо уметь владеть своим воображением. Стоило на секунду дать ему волю, как на карте тотчас нарастали две белые полосы. Они закрывали собой черные цифры глубин, двигаясь навстречу друг другу от северного и южного берегов. Они сходились бесшумно, — и где-то под ними металась обреченная лодка...

Надо было упорно думать: где могла быть кромка льда? Она должна была быть, она не могла не быть.

Искать на это указаний в лоции было бесполезно. Старушка, как и полагается старожилу, уже честно призналась, что такого не запомнила за сто лет. Спрашивать у других — означало только покушаться на их спокойствие. Оставалось сидеть на разnojке, ждать еще три часа и снова пробовать всплыть.

Но когда через три часа пришел боцман Вязнов со своей сменой, оказалось, что о ледяном потолке, нависшем над лодкой, как крышка длинного гроба,

думает не только лейтенант и те, кто были свидетелями попытки всплыть. Подводникам стал ясен крен и странный шум над головой, — и капитан-лейтенант понял взгляды, которые кидали на него краснофлотцы, проходя через центральный пост.

Капитан-лейтенант прижал губы к трубе, проведенной по всем отсекам, коротко объяснил всей команде, в чем дело, и дал звонки к всплытию.

Теперь лодка, пытаясь выбраться из-под льда, яростно кидалась снизу на его плотную броню. Она царапала его рубкой с полного хода. Застопорив машины, подкрадывалась к нему по вертикали, чтобы отчаянным усилием, продувая все системы, приподнять гигантский ледяной покров Балтийского моря. Люди на своих боевых местах покрывались потом, как будто это они сами, своими плечами, пытались взломать нависший над ними потолок.

Но ледяной покров пробить не удалось. И лодка ушла на глубину, как уходит от плотного беспощадного стекла аквариума извивающаяся рыба.

На глубине капитан-лейтенант приказал замерить плотность батарей. Энергия была на исходе. Теперь ее нехватило бы и на то, чтобы вернуться в залив, туда, где была еще чистая вода. Он наклонился над картой, прикидывая господствующие ветры, глубины, течения, — потом резко изменил курс к западу, в сторону от базы, и вышел из центрального поста.

Подводники держали себя спокойно, даже шутили, но капитан-лейтенант то и дело ловил пристальный взгляд, немой вопрос, обращенный к нему. Все имеет пределы — и выдержка и мужество. Испытание было слишком длительным.

Тогда он прошел в каюту, взял книжку, вернулся с ней в центральный пост и углубился в чтение.

Он читал сосредоточенно, иногда усмехаясь и переворачивая страницы, чтобы перечест понравившееся место. И краснофлотцы, проходя, будто по

своим делам, через центральный пост, видели: сидит капитан-лейтенант и читает, как будто лодка самым будничным образом идет в чистой воде. Значит, по балтийской поговорке, все было нормально. Чего же волноваться и гадать, где кончится лед, если командир сидит и, усмехаясь, читает книжку?

И только боцман Вязнов увидел то, чего не заметил никто. Когда командир поднял глаза на часы, боцман поймал однажды его взгляд. И такое подметил боцман в усталых воспаленных глазах, что дрогнуло в нем сердце. Колена боцмана касалось колена командира, — разножки их стояли близко, — и боцман, хотя ему было неудобно и нога затекла, и очень хотелось ее вытянуть, — не мог оторвать своего колена от холодного командирского реглана: будто какая-то струя воли, спокойствия, решимости шла от этого незначущего прикосновения.

В поставленный самому себе срок капитан-лейтенант закрыл книгу и встал. Опять прогремели звонки к всплытию. Опять лодка пошла вверх, продувая систерны — и опять раздался проклятый удар рубки о лед. Но стрелка глубомера, задержавшись на миг, резко пошла влево, достигла нуля, и лодка закачалась.

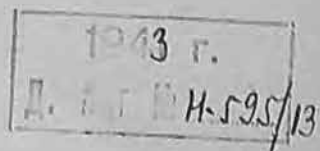
Подняли перископ. Стеклоанный его глаз показал битые льдины, плавающие вкруг. Волна раскачивала лодку все сильнее. Капитан-лейтенант, не отрываясь, смотрел в перископ (так нашедший в степи воду припадает к ней жадным ртом) — и тоненький белый лучик дневного света играл на красноватом белке его правого глаза. Потом он повернул голову — и все увидели прежнего командира.

— Штурман, пометьте-ка там в лоции, сто двенадцатая страница: кромка льда в северной части Балтийского моря может достигать широты... снимите с карты место! Дизели к зарядке!

Он поднялся по трапу, с трудом открыл выходной люк, и веселые мелкие льдинки обдали его звенящим душем. Свежий морозный воздух хлынул в рубки, волна накренила лодку, и с разnojки на палубу скользнула книга.

Боцман Вязнов бережно поднял ее и положил рядом с лощей. Это были „Грузинские сказки“.

ЛМ 3632.

Редактор *Григ. Сорокин*

Подписано к печ. 25/VII 1941 г.	Уч. авт. л. 0,9.	Объем $\frac{2}{8}$ п. л.
Знаков в 1 п. л. 60000.	ГМ 14672.	Зак. № 193

2-я тип. Военмориздата НКВМФ.

42-026/13

15 коп.

Л 30 $\frac{7-9}{402}$